

в частности, лицевого отдела черепа (стр. 42—55). Обширный материал из могил такого типа позволил — при разбивке черепов по степени выраженности искусственной деформации черепной коробки — получить достаточно представительные серии. При характерной для этого времени кольцевой деформации деформированные черепа отличаются от недеформированных более уплощенным переносом, несколько большей величиной лица и глазниц. Слабо деформированные черепа занимают промежуточное положение между недеформированными и сильно деформированными. По всей вероятности, деформация черепной коробки действительно изменяет лицевой скелет в этом направлении. Повторяемость различий на другом материале была бы лучшим доказательством их реальности. К сожалению, такой материал пока отсутствует.

Значение всех перечисленных проблем, возникающих в связи с публикацией Р. М. Касимовой, далеко выходит за рамки антропологии Азербайджана. Это интересное и ценное исследование, существенно обогащающее наши знания об антропологических типах древнего населения Кавказа.

В. Алексеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.* (Историко-этнографические очерки). Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. LXIX. Отв. ред. В. Б. Луцкий, М., 1961, 223 стр.

Книга А. И. Першица является первой в СССР монографической работой, посвященной хозяйству и общественно-политическому строю Северной Аравии, т. е. территории, на которой к началу 1930-х годов сложилось Арабское Саудовское королевство. Она представляет собой капитальное, основанное на марксистско-ленинской методологии хорошо продуманное исследование социально-экономической предистории Саудовской Аравии. Воссоздание этой предистории — основная цель рецензируемой книги. В то же время, как указывает во введении автор, «исследователь хозяйственного и общественно-политического строя Северной Аравии неизбежно сталкивается с рядом историко-этнографических проблем. В числе их — выяснение причин длительного сохранения здесь значительных остатков патриархально-родового и патриархально-рабовладельческого строя, особенностей форм собственности и общественных отношений в среде кочевого и оседлого населения, особенностей политической организации племен, племенных союзов и феодальных эмиратов и т. п. Все это — различные стороны общей проблемы о сущности патриархально-феодальных отношений в скотоводческом кочевье и оседлом оазисе, разработка которой на материалах Северной Аравии является второй основной целью настоящих очерков» (стр. 2).

Нам представляется, что как цели, поставленные автором, так и географические и хронологические рамки работы правильны и совершенно оправданы.

Книга открывается введением, большая часть которого посвящена характеристике источников. Автор привлек весьма широкий круг материалов: описания путешествий, фольклорные данные, сообщения арабской прессы, систематически публиковавшиеся в «*Oriente moderne*», сборники дипломатических документов, меуары и ряд сводных работ о Саудовской Аравии на европейских языках. Особенно полно использованы труды западноевропейских путешественников по Аравии: список использованных работ можно признать исчерпывающим. Нужно, однако, пожалеть, что, давая во введении характеристику этой группы источников, автор ограничился лишь фамилиями путешественников, датами, маршрутами и целями их поездок по стране. На наш взгляд, следовало дать развернутый анализ ряда работ, например высоко оцененных академиком И. Ю. Крачковским трудов крупного финского востоковеда Г. А. Валилина.

Как известно, русские путешествия по Аравии, в отличие от западноевропейских, насчитываются единицами. Автор приводит данные из работ коннозаводчиков О. А. и А. Г. Щербатовых и С. А. Строганова, штабс-капитана Давлетшина. Все же список этих работ можно было бы пополнить. В 1862 г. в Казани были изданы «Путевые заметки двух хаджеев»¹. В 1893 и 1895—1896 гг. в Хиджазе побывали и оставили свои путевые воспоминания Хаджи Салим Гирей Султанов² и Ш. Ишаев³, в работах которых содержатся интересные данные о хадже, мекканском невольничьем рынке и т. п. Описанию Джидды и Ямбо посвятил несколько заметок побывавший там А. В. Елисеев.

Попутно отметим, что хотя русские путешественники, кроме паломников, в Аравии почти не бывали, тема об Аравии издавна не была чужда русской литературе.

¹ И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, М.—Л., 1958, т. V, стр. 43. Нам до сих пор не удалось разыскать этой книги.

² «Землеведение», 1901, т. VIII, стр. 85—144.

³ «Среднеазиатский вестник», 1896. ноябрь, стр. 60—81, декабрь, стр. 45—83.

Так, уже в 1729 г. в примечаниях к «Санктпетбургским ведомостям» была помещена статья об отправлении караванов в Мекку; в «Политическом журнале» за 1794 г. — заметка о новой религиозной секте в Аравии; в «Пантеоне иностранной словесности» за 1798 г. — описание аравийских пустынь⁴. Движение ваххабитов привлекло внимание русских дипломатов в Стамбуле: М. И. Кутузов, исполнявший обязанности чрезвычайного посла, сообщал в 1793 г. Екатерине II об усилении ваххабитов и вызванном этим беспокойстве султанского правительства⁵. Ваххабитского движения попутно касались в своих работах русский дипломат Базил и посетивший в начале XX в. Месопотамию офицер Б. И. Шелковников⁶. Заметим, наконец, что хотя, как правильно пишет автор, единственным советским исследованием по новой и новейшей истории Северной Аравии является неопубликованная диссертационная работа З. Н. Степановой, некоторые вопросы, рассматриваемые в рецензируемой книге, трактуются и в посвященной более позднему периоду публикации И. П. Беляева⁷. Привлечение всех указанных работ не привело бы к пересмотру развиваемых А. И. Першицем научных положений, но существенно пополнило бы его работу.

Помимо введения, рецензируемая книга состоит из трех глав: 1) «Хозяйство», 2) «Общественные отношения» и 3) «Политический строй. Образование Саудовского государства». Каждая глава, в свою очередь, разбита на три подраздела.

В первой главе автор исследует оседлое земледелие, кочевое и полукочевое скотоводство и города Северной Аравии. Здесь дается анализ развития производительных сил, производственно-технической стороны земледелия, скотоводства и ремесла. Автор подробно описывает хозяйственный быт населения, выявляет тенденции его развития и делает ряд правильных, на наш взгляд, выводов. Вплоть до конца исследуемого периода для североаравийского земледельческого хозяйства было характерно преобладание натуральной замкнутости, крайне отсталое, рутинное состояние техники, мелкий, индивидуальный характер производства. Правда, втягивание отдельных земледельческих районов в систему мирового капиталистического рынка не могло не повлечь за собой увеличения товарности земледелия. Но, как правило, на рынок поступала лишь присваиваемая феодалами доля сельскохозяйственной продукции, а доля арендатора-земледельца в основном потреблялась в его собственном хозяйстве. В целом земледельческое хозяйство страны фактически даже еще не начинало выходить за рамки обычного феодального развития. Кочевое скотоводческое хозяйство также было крайне отсталым, но, по сравнению с хозяйством оседлых и полuosедлых земледельцев, оно все же носило «менее самообеспечивающий и, следовательно, в большей степени товарный характер» (стр. 35). Однако после первой мировой войны вследствие введения на Ближнем и Среднем Востоке современных средств сообщения в Аравии начался тяжелый кризис кочевого верблюдоводства. Этот кризис не был преодолен ни мероприятиями риядского правительства по созданию ваххабитских земледельческих колоний «хиджр», ни «неорганизованным» оседанием обнищавших кочевников, ни их попытками найти себе занятия в неразвитых в промышленном отношении городах страны. «Основная масса скотоводов и во второй трети нашего века продолжала вести свое архаическое кочевое и полукочевое хозяйство» (стр. 47).

Большой интерес представляет исследование автором особенностей североаравийского города. В Аравии сохранилось и приняло самые широкие размеры первое крупное общественное разделение труда — между оседлыми земледельцами и кочевыми скотоводами. Это способствовало развитию городов как торговых центров. Но процесс отделения ремесла от сельского хозяйства остался незавершенным, городское ремесло не достигло даже позднефеодального уровня мануфактурного производства, а в дальнейшем стало разрушаться под влиянием вторжения западноевропейских фабричных изделий. «Поэтому вплоть до конца исследуемого периода города Северной Аравии росли преимущественно как торговые города, причем в большей степени за счет не столько внутренней, сколько внешней торговли, в результате чего формировавшаяся прослойка торговой буржуазии находилась в тесной зависимости от торговой буржуазии Ирака, Сирии, Египта и других ближневосточных стран. В политическом отношении город не превратился в самостоятельную силу и продолжал оставаться под властью феодальных элементов» (стр. 66). Этот вывод автора чрезвычайно важен для понимания особенностей исторического процесса в Северной Аравии — и не только в исследуемое время, но и в последующие десятилетия, вплоть до наших дней.

Если первая глава в основном посвящена производительным силам, то во второй главе анализируются производственные отношения североаравийского общества. В трех ее подразделах последовательно рассматриваются остатки патриархально-родовых отношений, рабовладение и феодальные отношения. По существу эта глава является центральной главой работы: именно здесь автор исследует на аравийском материале различные аспекты сложной, все еще слабо разработанной в советской науке проблемы

⁴ См.: А. Н. Неустроев, Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 годы, СПб, 1898, s. v. «Аравия».

⁵ М. И. Кутузов, Документы, М., 1950, т. I, стр. 297—298.

⁶ Б. И. Шелковников, Войска и район VI турецкого корпусного округа (Багдадский, Мосульский и Бассорский вилайеты), Тифлис, 1904, т. I, ч. III, стр. 14, 84, 117—186.

⁷ И. П. Беляев, Американский империализм в Саудовской Аравии, М., 1957.

патриархально-феодальных отношений. В качестве бесспорного достоинства следует отметить комплексный подход к проблеме: сравнение особенностей общественных отношений в среде кочевого, полукочевого и оседлого населения, выявление взаимозависимости и взаимовлияния «кочевого» и «оседлого» феодализма. Подробное рассмотрение форм собственности и методов эксплуатации в североаравийском обществе позволило автору прийти к следующим хорошо аргументированным выводам. 1) При всей многоукладности общественного строя страны господствующие позиции занимал феодальный уклад. 2) Основными классами североаравийского общества были класс феодалов, куда, наряду с крупными оседлыми землевладельцами и кочевыми шейхами, входили различные категории средних и мелких эксплуататоров феодального типа — купцы, ростовщики, «раскрестьявшиеся» деревенские богатеи, и класс феодально-зависимых крестьян, образуемый феллахами, рядовыми членами кочевых и полукочевых племен и африканскими вольноотпущенниками — «абидами». 3) Хотя феодальные отношения господствовали во всех слоях населения, в бедуйском кочевье они развились в меньшей степени, нежели в оседлом оазисе. Грабя и облагая данью оседлые селения и полусоседские племена, эксплуатируя труд иноплеменных феллахов и африканских абидов, бедуйский шейх стремился опереться на собственное племя как на всенную силу, а поэтому вынужден был подкармливать своих соплеменников-бедуинов и всячески маскировать их эксплуатацию. 4) В условиях переплетения господствующих феодальных отношений с остатками дофеодальных укладов прямое классовое деление североаравийского общества осложнялось исторически многослойной системой социального, частью уже, несомненно, сословного, членения на феодальную аристократию, «благородные» бедуйские племена, вассальное полусоседское и оседлое население, «низшие» племена, ремесленников — «сунна» и абидов. Эта система, существенно отличаясь от законченных форм сословной организации, известных развитым феодальным государствам Европы и Азии, «тем не менее закрепляла экономическое господство феодальной верхушки над различными категориями зависимых от нее непосредственных производителей» (стр. 149).

В заключительной части второй главы вкратце рассматривается вопрос о наличии в Северной Аравии исследуемого периода капиталистических отношений. Отмечая случаи применения наемного труда, поденщины и сезонного найма с оплатой этого труда натурой, реже деньгами, автор пишет: «Являлся ли наем рабочей силы показателем зарождения в сельском хозяйстве страны капиталистических отношений? Несомненно, нет. Применение наемного труда, как и товарно-денежные отношения, были известны и в докапиталистических формациях. Оба эти явления создавали возможность для возникновения в деревне капиталистического уклада, но не порождали его автоматически, так как реализация указанной возможности зависела от общего уровня развития производства и, в частности, от уровня развития производства вне пределов сельского хозяйства» (стр. 150). С теоретической стороны это положение автора, опирающегося на известное положение К. Маркса в III томе «Капитала», возражений не вызывает. Однако нам кажется, что для такого категорического утверждения данный вопрос, особенно применительно к Северной Аравии конца первой трети XX в., еще мало изучен.

Третья глава посвящена проблемам политической, а отчасти правовой и религиозной надстройки североаравийского общества, раскрываемым на фоне общего очерка истории страны. Она также состоит из трех подразделов. В первом («Племена и племенные союзы») рассматриваются зачаточные племенные формы политической надстройки и на примере возникновения эмирата Шааланов зарождение феодальной государственности, во втором («Эмират Джебель-Шаммар») — развитие этой государственности в раннефеодальном эмирате Рашидидов; в третьем («Эмират Неджд и его борьба за создание централизованного феодального государства») — заключительный этап сложения феодального государства в его законченной централизованной форме. В этом последнем подразделе автор дает исчерпывающую картину ваххабитского движения как движения, направленного на объединение Аравии в борьбе сначала с турецкой, а затем с английской агрессией на Аравийском полуострове, и здесь же показывает, что борьба Сауидов с Англией была не всегда последовательной (английский протекторат над Недждом 1915—1923 гг.). Хорошо раскрыта обусловленность ваххабитского движения, с одной стороны, внутренним развитием самой Северной Аравии, с другой, втягиванием страны в орбиту мировой империалистической политики. Как и в предыдущей главе, обстоятельному анализу подвергается местная специфика общих закономерностей исторического процесса, в данном случае — роль патриархальных элементов в феодальной политической надстройке и их постепенное изживание в процессе развития и укрепления феодального государства. Весь материал главы позволяет автору сделать следующий бесспорный вывод: «Образование в Северной Аравии централизованного феодального государства произошло в тот период, когда в большинстве других арабских стран стояла на очереди ликвидация феодализма в экономическом строе общества и его политической надстройке. Тем не менее, в условиях Аравии сложение крупной феодальной монархии являлось прогрессивным историческим явлением, важной ступенью в общественнополитическом развитии этой отставшей в своем поступательном движении области арабского мира» (стр. 221).

В качестве общего замечания по работе отметим, что автор в ряде случаев — при характеристике методов ирригации, форм собственности и эксплуатации, уровня раз-

вятия рабовладения, феодальной государственности и т. д. — удачно привлекает сравнительно-исторические и сравнительно-этнографические данные. Однако, на наш взгляд, привлечение таких материалов могло бы быть более широким, что, несомненно, еще более увеличило бы научное значение работы. Можно сделать автору, а одновременно и Издательству Академии наук СССР еще один, более частный упрек — отсутствие общей географической карты страны (имеется лишь карта расселения кочевых и полукочевых племен), именного, географического и этнического указателей и библиографического списка, наличие которых облегчило бы пользование книгой.

В целом же работа А. И. Першина — ценное научное исследование, которое будет с пользой прочитано не только теми, кто интересуется историей Аравийского полуострова, но и всеми, кто занимается странами Арабского Востока.

Б. Данциг

С. И. Брук. *Карта народов Китая, МНР и Кореи* (с пояснительным текстом). Масштаб 1:5.000.000. Москва, 1959.

Его же. *Карта народов Индокитая* (с пояснительным текстом). Масштаб 1:5.000.000. Москва, 1959.

За последние годы сектор этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР выпустил серию карт, значение и актуальность которых трудно переоценить. Первой в этой серии появилась в 1956 г. карта народов Индии. Теперь аналогичными картами охвачена вся зарубежная Азия и Африка (не издана пока лишь карта Индонезии и Филиппин, но и ее можно ожидать в ближайшем будущем). Впервые советский читатель получил пособие, с которым он может разобраться в сложнейшем этническом составе этих районов земного шара, политическое значение которых так возросло в последние годы.

Обе рецензируемые карты отличаются достоинствами, свойственными всей серии в целом: это удачный метод совмещенного показа этнического состава и плотности населения, высокая степень детализации, подробность и полнота охвата. Составители использовали практически все источники и материалы, какие имелись к моменту напечатания этих карт. Нужно отметить, что далеко не всегда они располагали достаточно надежными источниками обычных типов — картами, справочниками, переписями. Для многих районов были использованы в основном литературные источники, зачастую косвенные, и была проделана очень большая работа по розыску, обработке и проверке данных, содержащихся в самых разнообразных материалах.

Рецензируемые карты снабжены пояснительными записками, которые сами по себе являются ценными трудами, дающими довольно подробные сведения не только о численности, но и об этногенезе, занятиях, культуре показанных на карте народов. В записке к карте «Население Китая, МНР и Кореи» библиография дается в сносках; удачнее сделано в записке к карте «Население Индокитая», где библиография (62 названия) дана отдельным списком. Очень хорошо поступили составители, снабдив легенду карты Китая, Кореи и МНР иероглифическими обозначениями всех перечисленных народов.

Все карты изданы однотипно, в одном масштабе (1:5 млн) и проекции (лишь карта Африки имеет более мелкий масштаб — 1:8 млн, о чем можно лишь пожалеть).

Тем более досадны отдельные промахи и погрешности, которые все же встречаются в этих прекрасных в целом картах. Так, например, на карте Китая показаны две градации плотности 51—100 и 101—200. На карте же Индокитая дана лишь одна градация 51—200. Такая разница вряд ли оправдана. Как в картах, так и в пояснительных записках встречаются опечатки, могущие дезориентировать даже весьма квалифицированного читателя. Так, в пояснительной записке «Население Китая, МНР и Кореи» в сноске на стр. 26 написано, что долоны являются предками казахов, подвергшихся сильной ассимиляции со стороны уйгуров, тогда как речь должна идти не о предках, а о потомках. На этой же карте на юге провинции Ганьсу, если верить номерной цифре, показана группа тай, которые, разумеется, никогда не жили в этой провинции. Но это погрешности чисто технические. Есть и более серьезные погрешности, вызванные прежде всего несовершенством источников, а также и недостаточно внимательным и критическим подходом к ним. Так, на карте Индокитая крупный город Южного Вьетнама Далат показан на территории, сплошь заселенной очень отсталой народностью чема с плотностью до 1 чел. на кв. км., тогда как само наличие на этой территории крупного города говорит о том, что здесь совершенно иная плотность и иной этнический состав — с преобладанием вьетнамцев. Этой погрешности могло бы не быть при более внимательной работе над источниками. Однако основная часть встречающихся в рассматриваемых картах недостатков происходит или из неточности источников, или же из их недостаточности.

Вьетнам, например, по признанию самих составителей, во всем Индокитае является страной, более других обеспеченной как статистическими, так и картографическими